

СВЯТЫЕ ЗАСТУПНИКИ РУСИ

**АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ**

**ДМИТРИЙ
ДОНСКОЙ**

**ДОВМОНТ
ПСКОВСКИЙ**

**ВЛАДИМИР
СЕРПУХОВСКОЙ**

Великие полководцы России

**Святые заступники Руси.
Александр Невский, Дмитрий
Донской, Довмонт Псковский,
Владимир Серпуховской**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 63-8

Святые заступники Руси. Александр Невский, Дмитрий Донской, Довмонт Псковский, Владимир Серпуховской / «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Великие полководцы России)

ISBN 978-5-87107-868-6

XIII-XIV века - время героической борьбы русского народа против иноземных захватчиков. Со всех сторон на Русь приходили враги, стремясь поработить ее народ, но всегда были биты. Река Нева, Чудское озеро, древний Псков, Куликово поле - названия этих мест вписаны золотыми буквами в военную историю России. Против врага, на ратный подвиг русских вели полководцы, прозванные потомками святыми заступниками Руси. Александр Невский, князь Довмонт, Дмитрий Донской, Владимир Серпуховской - вы сможете постичь их образы, раскрыв очередную книгу.

ББК 63-8

ISBN 978-5-87107-868-6

, 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Невский Александр Ярославич	6
«Два Александра»	7
Русское пространство в IX – начале XIII вв	9
Глобальные перемены на Востоке	13
Западноевропейская экспансия в Прибалтике и русские земли	17
Господин Великий Новгород в начале XIII в	19
Западная политика Александра Ярославича до 1246 г. Невская битва и Ледовое побоище	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Святые заступники Руси. Александр Невский, Довмонт Псковский, Дмитрий Донской, Владимир Серпуховской

Редактор *кандидат исторических наук Н. А. Копылов*

Редактор-составитель *доктор исторических наук М. Ю. Мягков*

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

© ИД «Российское военно-историческое общество», 2014 год.

Невский Александр Ярославич

1221–1263

«Два Александра»

Александр Невский – весьма разноплановый персонаж русской истории. Это и реальный политик XIII в. – князь Александр Ярославич, представитель владимиро-суздальской ветви Рюриковичей-Мономаховичей, который при жизни не носил прозвание Невского. Это и эпический Александр Невский, который в XIV–XVIII вв. постепенно превращался в символ российской национальной и государственной идентичности. Причем образ последнего, эпического Александра Невского в разные эпохи трактовали по-своему, и даже XX столетие сумело внести свой значительный вклад в мифологизацию легендарного двойника князя. (Вспомним прекрасный фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский».)

Афиша к фильму С. Эйзенштейна «Александр Невский».

Поэтому, когда речь заходит о князе Александре, очень важно обозначить, о каком Александре пойдет речь. В нашем очерке будем говорить об «изначальном Александре», реальном политике и талантливом полководце XIII в., которому выпала доля жить в сложное и трагическое для русской истории время. Это время определило логику и границы деятельности князя Александра Ярославича.

Сражения и победы

Князь Новгородский, великий князь Киевский, великий князь Владимирский. Выдающийся русский полководец и государственный деятель.

Его победы в Невской битве и в битве на Чудском озере принесли ему посмертную славу, которая превзошла прижизненную известность князя. Образ святого князя Александра Невского, защитника православной веры, рос от столетия к столетию...

Прежде чем анализировать политику Александра, как, впрочем, и любого из значительных современников этого князя, например, его отца – Ярослава Всеволодовича Переяславль-Залесского, а потом Владимиро-Суздальского, или князя Даниила Романовича Галицкого, надо хотя бы кратко ознакомиться с тем, что собой являл к XIII в. русский мир, а также в каких отношениях со странами Востока и Запада он находился. 1230–1260-е гг. являлись эпохой значительных цивилизационных изменений, изменивших во многом не только русскую, но и всемирную историю.

Русское пространство в IX – начале XIII вв

Первое, что бросается в глаза при взгляде на Русь XII–XIII вв., – это дробность русского мира. В политическом плане он представлял почти полтора десятка независимых государств. В социокультурном плане они были объединены как минимум в четыре альтернативные модели развития:

1. Южнорусскую и близкую к ней западнорусскую (Киевское, Переяславское, Черниговское, Полоцкое, Смоленское и др. княжества);
2. Юго-западную Галицко-Волынскую;
3. Северо-восточную (Владимиро-Суздальское и Рязанское княжества);
4. Северо-западную (Новгородская республика, а с XIV в. и Псковская республика).

И хотя все эти модели выросли из Киевской Руси IX – середины XI вв., к 30-м гг. XIII столетия они далеко отошли как от единого древнерусского корня, так и от социально-политического устройства друг друга. Эти модели представляли различные социокультурные альтернативы и были не столько союзниками друг друга, сколько противниками в борьбе за будущее развитие Руси.

Киевская Русь была важной частью средневековой Европы. В IX – середине XI вв. торговый путь «из варяг в греки», проходивший по русской территории и соединявший через систему рек и волоков Балтийское море с Черным, приобрел международное значение. Старая морская дорога из Западной Европы в Левант (восточное побережье Средиземного моря) оказалась для европейцев закрытой ввиду мусульманской экспансии, и торговые связи между европейскими странами, Византией и развитым Востоком стал обслуживать путь «из варяг в греки». Пространство вдоль этого пути превратилось в оживленный торговый и политико-культурный перекресток. Это благоприятно сказалось на развитии Киевской Руси, открылись большие выгоды как для местного населения, так и для иностранных купцов-гостей.

Среди последних преобладали скандинавы-варяги. Они и открыли некогда путь «из варяг в греки». Однако варяги быстро утратили роль главных торговых посредников между Западной Европой и Византией. Эта роль отошла к великим князьям Киевским, для которых организация торговых экспедиций в Царьград (Константинополь) и защита русских торговых интересов стала одной из важнейших задач государственной политики. Опорой власти в данном вопросе выступило восточнославянское городское население и славяно-варяжская княжеско-дружинная среда. В IX – середине XI вв. продолжали жить вечевые традиции в городской среде. Великие князья постоянно держали совет со старшей и младшей дружиной, а после 988 г. – и с духовенством.

Роль торгового посредника между Западом и Востоком принесла Древней Руси невиданные материальные богатства (стоит вспомнить хотя бы тот факт, что страна, полностью лишенная тогда собственных источников серебра, имела денежную систему, в основе которой лежали не монеты, а гривны – слитки серебра весом от 90 до 200 граммов). Не меньшую роль играли и новшества цивилизационного выбора. После крещения Руси в 988 г. образовалась русская митрополия как часть Византийского патриархата. Восточно-христианское влияние определило дальнейшее развитие духовной культуры страны.

Однако, как заметил историк-евразиец Николай Клепинин, «Быстро воздвигнутое и богато украшенное здание Киевской Руси стояло на слабом фундаменте» (Клепинин Н. Святый и Благоверный великий князь Александр Невский. М., 1994). Как только западноевропейские крестоносцы в конце XI в. завоевали Святую землю, они «открыли» и старый 800-километровый морской путь из Европы на Восток, а путь «из варяг в греки», который был длиннее в 3 раза, стал быстро терять свое международное значение. Этому способствовало

и еще одно обстоятельство. С середины XI в. торговые суда на волоке в районе Днепровских порогов непрерывно атаковали кочевники половцы. В итоге к началу XII в. международная торговля потеряла для Руси свое прежнее значение, а сам путь «из варяг в греки» прекратил быть той геополитической осью, вокруг которой вращалось древнерусское единство. Лишь Новгород унаследовал роль регионального торгового посредника между севером Европы, русскими землями, греками и Востоком.

На рубеже XI и XII вв. Русь испытывала серьезный кризис. Она превращалась из оживленного междцивилизационного перекрестка в восточную окраину европейского мира и северную периферию церковно-культурного византийского пространства. Причем от Ромейской империи Русь с юга была отрезана абсолютно чуждой и враждебной ей кочевой Великой степью. Раскол западной и восточной христианских церквей (схизма 1054 г.) стал серьезной причиной возрастающей от века к веку отчужденности православной Руси от католических стран Западной Европы.

Угасание торгово-городового уклада заставило древнерусскую княжеско-дружинную элиту в конце XI–XII вв. проявить интерес к владению землей. Повсеместно стали возникать княжеские и боярские вотчины (вотчина (аллод) – безусловная частная собственность на землю), доходы с которых стали теперь главным источником благополучия князей и их бояр. В условиях натурального хозяйства, когда все необходимое производилось и потреблялось на месте, для разбросанного по бескрайним просторам Восточно-Европейской равнины населению исчезла необходимость держаться Киева. Местный князь со своей дружиной обеспечивал порядок на местах и внешнюю оборону. После смерти великого киевского князя Мстислава Владимировича Великого (годы правления – 1125–1132) единое древнерусское государство распалось на 12 независимых земель.

Политическая раздробленность на Руси в XII – начале XIII вв., как и феодальная раздробленность на Западе Европы начального периода, была позитивным явлением. Она способствовала социально-экономическому, политическому и культурному развитию (к примеру, если ранее Русь знала 2 центра летописания, то теперь их стало 14!). Начался процесс выравнивания развитых волостей времен Киевской Руси и бывших ее медвежьих углов. Причем некоторые из них, в частности, Владимиро-Суздальская земля и Галиция с Волынью, во многом обошли прежних лидеров.

Половецкие набеги, опустошавшие пограничные с Великой Степью южнорусские территории, направили потоки беженцев из Поднепровья на русский север, северо-восток и юго-запад. Развитые в социально-экономическом плане южнорусские переселенцы несли с собой новые земледельческие технологии (примитивное подсечно-огневое земледелие повсеместно было заменено на перелог и двуполье), в новых городах и селах распространялись развитые ремесла, оживилась местная торговля. При этом русский мир, как и прежде, походил на айсберг, на вершине которого красовались достаточно развитые формы средневекового хозяйства и общественного устройства, а огромную подводную часть продолжал составлять архаический пласт, мало интегрированный в экономические, общественно-политические и культурные достижения своего времени.

Особенно велик этот пласт был на северо-востоке Руси, родном для героя нашего очерка – князя Александра Ярославича. Это было прежде всего следствие суровых природно-климатических условий и удаленности от старорусских очагов цивилизации. Однако княжеская власть в лице потомков Владимира Мономаха (его четвертого сына Юрия Долгорукого, его внуков Андрея Юрьевича Боголюбского и Всеволода Юрьевича Большое Гнездо) извлекла из данных обстоятельств скорее пользу. Княжеская власть пришла в Ростово-Суздальскую Русь раньше, чем русская колонизация сделала этот край преимущественно восточнославянским. В итоге местные князья сразу стали смотреть на Владимиро-Суздальскую землю, как на свою личную вотчину. Большой процент финно-угорских данников среди населе-

ния приучил местных князей к властности, которая проистекала из права сильного. С другой стороны, местные князья оказались здесь не столько политическими вождями, сколько рачительными хозяевами-собственниками, обустривающими свою вотчину. Они энергично строили здесь новые города и села, привлекали и опекали переселенцев, бежавших от половецкого натиска.

Присекин Сергей Николаевич. «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет», 1983 г.

Патернализм владими́ро-суздальских князей встречал одобрение у населения их княжества, несмотря на то, что уже в княжение Андрея Боголюбского (1154–1174) выступила и обратная его сторона – княжеское самовластие при падении социального статуса населения. Поселенцы воспринимались смердами, получившими землю и право жить на ней из княжеских рук. (Жизнь смерда охранялась по «Русской Правде» вирой в 5 гривен серебра, в отличие от жизни людей, свободных крестьян-общинников, которых, как и рядовых княжеских дружинников, древнерусское право охраняло вирой в 40 гривен серебра.) Естественно, в таких условиях в XII–XIII вв. древнерусские вече́вые традиции, продолжавшие существовать на юге и западе Руси и усилившиеся на севере в Новгороде и Пскове, не получили развития на русском северо-востоке.

Владими́ро-суздальское боярство, небогатое и относительно немногочисленное, не могло конкурировать с княжеской властью ни в экономическом, ни в общественно-политическом, ни в военном плане. Этим оно резко отличалось от южно- и западнорусского боярства, а особенно от галицко-волынской аристократии, превратившейся в сильный противовес княжеской власти, а также от новгородских бояр, которые стали главной социально-политической силой в Господине Великом Новгороде после утверждения там в 1136 г. вечевого строя. Если прадед Александра, первый суверенный правитель Суздальской Руси – князь Юрий Долгорукий (1132–1154), еще как-то поддерживал старинные дружинные традиции, то оба его сына – великие князья владими́ро-суздальские Андрей Боголюбский (1154–1174) и Всеволод Большое Гнездо (1176–1212) – уже привыкли видеть в боярах и дружине не сотрудников-вассалов, а подданных и слуг.

Святой благоверный князь Александр Невский.

Контроль над ресурсами и мощный военный потенциал, включавший кроме больших княжеских дружин еще и многочисленное крестьянское ополчение, позволял владими́ро-суздальским князьям вести активную политику как внутри русского мира, так и за его пределами.

К середине XII в. большинство финно-угорского населения Владимиро-Суздальской Руси приняло христианство и смешалось с восточнославянскими переселенцами, Суздальский край окончательно ославянился, но здесь сложился особый, весьма отличный от собственного Киевской Руси IX–XI вв. менталитет, который в будущем ляжет в основу формирования великорусского народа.

Мы остановились на описании особенностей Владимиро-Суздальской Руси, так как она была родиной Александра. Именно она сформировала стереотипы и систему мышления этого князя, его понимание княжеского долга и права.

Глобальные перемены на Востоке

Тем временем на Востоке в конце XII – начале XIII вв. начались гигантские перемены. Вновь, как во времена великого переселения народов, погубившего античный мир, поднялась Великая степь. Правда, на сей раз, прежде чем двинуться в Европу, кочевники покорили значительную часть азиатского оседлого высокоразвитого населения – от провинций Северного Китая до среднеазиатского Хорезма.

Чингисхан сумел соединить в своей военной империи примитивный быт и простоту общественных отношений степняков, их нехитрый боевой строй с высочайшими достижениями военного искусства Китая и других развитых восточных стран, использовал их экономические, административные достижения. На этой базе в ходе войны и во многом благодаря войне была создана система сильнейшей деспотической государственной власти, которая отличалась еще и завидной гибкостью, способностью к определенным компромиссам по отношению к завоеванным народам. В итоге, вместо того чтобы ослабевать и терять людей по ходу обширных завоеваний, империя Чингисхана постоянно получала новых бойцов. Они перековывались в горниле завоевательных походов в истинных подданных «сотрясателя вселенной».

Государственная идеология империи, сводившаяся к мысли о завоевании «вселенной от моря до моря» (от Тихого океана до Атлантического), а также известная всем веротерпимость монголов выражали идею единства мира и населявших его народов. По сути, в экспансии Чингисхана, а потом и его потомков мы имеем дело со средневековой попыткой глобализации – в ее азиатско-кочевом понимании. Это была уже не первая в истории человечества попытка построить глобальный, и более совершенный, по мысли его создателей, мир, объединяющий Восток и Запад. Первым подобной целью занялся Александр Македонский – Великий Искандер, как его звал Восток, – чьи подвиги вдохновляли Чингисхана. Тем же целям была подчинена экспансия и Древнего Рима, и Китайской империи. И хотя ни Александру Македонскому, ни Риму, ни Китаю не суждено было осуществить свою глобальную экспансию, сами попытки глобализации рождали державы колоссальной силы и размеров. Эти державы переворачивали всемирную историю, диктуя свою волю соседям и формируя новое геополитическое соотношение сил между Востоком и Западом.

Для периферийного русского мира фактор монгольского вторжения в европейское пространство нес решительные изменения условий существования. Причем органическое внутреннее развитие, включая соотношение сил и степени эффективности различных русских социально-политических моделей, не могло, на наш взгляд, играть уже решающей роли.

Впрочем, последнее есть предмет научных дискуссий. Например, классики отечественной исторической мысли С. М. Соловьев и В. О. Ключевский не склонны были видеть в установлении ордынской зависимости большинства русских земель от Монгольской империи и Золотой Орды фатального значения. По их мнению, ордынское иго представляло собой внешний поверхностный фактор, тормозящий развитие страны, но не меняющий ранее сложившихся тенденций, главная из которых, по мнению Ключевского, сводилась к превращению «Руси торговой городовою» в «Русь земледельческую сельскую», что вызвало смещение центра русского мира из Приднепровья к Волге – от Киева к Владимиру на Клязьме. Однако большинство историков, как отечественных, так и зарубежных, вне зависимости от оценки русской зависимости как явления отрицательного (большинство исследователей), неоднозначного (Н. М. Карамзин, евразийцы) или даже позитивного (Л. Н. Гумилев) оценивает воздействие монголо-татарского завоевания и установления зависимости в качестве одного из важнейших факторов дальнейшего развития русской истории.

Если первое поражение от монголов в битве на Калке (1223) еще можно трактовать как следствие несогласованных военных действий и военно-политических ошибок князей Южной и Юго-Западной Руси, то опыт Батыева нашествия на Русь (1237–1241) и антиордынских выступлений (1252, 1262, 1293) наводит исследователей на мысль о том, что русский мир в одиночку чисто физически не имел возможностей успешно отразить монголо-татарскую агрессию. Эта неутешительная правда должна быть в центре внимания историка при оценке геополитической ситуации вообще и деятельности тех или иных исторических деятелей в частности.

Александр Невский на памятнике «Тысячелетие России».

Западноевропейская экспансия в Прибалтике и русские земли

Глобальная экспансия Азии в Европу пришлась на то время, когда в самом европейском мире шел процесс расширения. Он выражался в реконкисте в Испании, в крестовых походах на Ближний Восток и на язычников Прибалтики.

До конца XII в. Прибалтика оставалась регионом, заселенным различными языческими финно-угорскими и летто-литовскими племенами, не знавшими государственности. Это облегчало вторжения на их территорию более сильных и организованных соседей.

Русь, по образному выражению В. О. Ключевского, была «страной колонизирующей». Восточнославянская колонизация Восточно-Европейской равнины, начатая еще в VII в., к концу XII – началу XIII вв. продолжилась расширением полоцких и новгородско-псковских владений в прибалтийских летто-литовских и финно-угорских областях. Еще Ярослав Мудрый, великий киевский князь (1019–1054), сумел присоединить к Руси ятвягов, а за Чудским озером в земле эстов поставить русскую крепость Юрьев¹ (ныне Тарту). Чуть позже новгородцы и псковичи взяли под свой контроль все течение рек Невы и Ижоры, а полоцкие князья контролировали торговый путь по Западной Двине и брали дань с окрестного коренного населения.

Одновременно из Скандинавии в прибалтийский регион шли варяги. С момента рождения скандинавских королевств это движение приобрело форму шведской, норвежской и датской экспансии. В конце XII – начале XIII вв. в Прибалтике появился еще один «новый игрок» – крестоносцы. Они были представлены в землях пруссов Тевтонским орденом, а в землях ливов, земгалов и эстов Орденом меченосцев,² ставшим впоследствии (с 1237 г.) филиалом тевтонов и известном далее как Ливонский орден. Являясь конкурентами, скандинавские государства и крестоносцы находились в сложных отношениях. Особые интересы имела в Прибалтике еще и Папская курия. Она пыталась придать разнородной западной экспансии объединяющее начало: религиозно-миссионерский смысл, и одновременно выступала посредником в спорах Рижского архиепископа с крестоносцами, крестоносцев с датским королем и т. д.

И все эти западные претенденты на владычество в Прибалтике противостояли русскому присутствию. Причем если давняя конкуренция русских со скандинавами в регионе носила прежде всего характер борьбы за сферы влияния, определения государственно-территориальных границ, то в столкновениях с крестоносцами остро стоял еще и религиозный вопрос. Обе стороны воспринимали друг друга как схизматиков и еретиков, что, безусловно, ожесточало конфликт.

Экспансия «божьих рыцарей» была для Новгорода, Пскова и Полоцка более опасной по сравнению со скандинавской, ввиду того, что все ордена осваивали земли эстов, ливов и других прибалтийских народов, куда более интенсивно нежели скандинавы. Те подобно великим киевским князьям, а потом новгородцам, псковичам и полочанам долгое

¹ «В лето 6528-го. Ходил Ярослав Володимерич из Новагорода на Чюдь, и победи, и постави град Юрьев в свое имя» (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 75). Предполагают, что поводом к походу Ярослава могло послужить то обстоятельство, что эсты приняли сторону Канута, короля Дании и Англии, противник которого Олаф Толстый, король Норвегии, получил помощь от Ярослава.

² Братство воинов Христа (лат. *Fratres militiæ Christi de Livonia*) основано в 1202 г. Дитрихом, братом рижского епископа Альберта фон Буксгевдена. Другое название братства – Орден меченосцев (нем. *Schwertbrüderorden*) – произошло от эмблемы рыцарей. Они носили на белых плащах изображение красного меча и мальтийского креста. В отличие от крупных духовно-рыцарских орденов, меченосцы сохраняли номинальную зависимость от рижского епископа. 1/3 завоеванной ими земли отходила епископу.

время довольствовались сбором дани с покоренных племен. Шведы надолго завязли в Финляндии. Крестоносцы же сразу укоренялись в завоеванных владениях. Они строили замки и города, населяли их германскими переселенцами. Немецкие крестьяне, оруженосцы и рыцари наводнили сельскую округу, превращая коренных жителей в зависимое крестьянство. Этот немецкий «натиск на восток» получил поддержку германских императоров, ибо был удачным способом избавиться от избыточного населения, порождающего в многочисленных германских государствах внутреннее социальное напряжение. В итоге во владениях ордена шло быстрое становление западноевропейского феодального строя, который обеспечивал быстрое социально-экономическое развитие покоренных земель. Орден меченосцев вскоре смог действовать, опираясь не на помощь отдаленной метрополии (вариант шведский, датский, норвежский), а на собственные материальные, людские и военно-политические ресурсы в Прибалтике.

Это сказалось на борьбе крестоносцев с русским влиянием в Прибалтике. Сравнительно быстро Орден меченосцев свел к нулю полоцкое присутствие вдоль Западной Двины. Несмотря на ожесточенные столкновения с новгородцами, меченосцы сумели овладеть в 1224 г. Юрьевым и вытеснить новгородцев с финно-угорских территорий западнее Чудского озера.

Далее на восток и северо-восток от Юрьева уже тянулись не просто земли данников Новгорода. Здесь располагались достаточно колонизованные славянским населением новгородские пятины, где среди коренного населения было немало православных христиан. Попытки крестоносцев вторгаться в эти земли должны были рассматриваться Новгородом уже не просто как борьба за сферы влияния в землях разрозненных язычников, а как прямое вторжение на государственную территорию Новгородской республики. Со своей стороны, крестоносцы рассматривали вторжение в новгородские пределы как крестовый поход против схизматиков.

Агрессия Ордена меченосцев привела к порабощению большинства племен, обитавших на территории современных Эстонии и Латвии. Однако ряд летто-литовских племен, занимавших в то время территорию современной Литвы и отчасти Восточной Белоруссии, сумели консолидироваться и создать к середине XIII в. собственную Литовскую державу. Причем сразу же существенным фактором в организации Литовского княжества стала помощь Новогрудка и других западнорусских уделов, которая постепенно переросла в союз, на базе которого возникло Великое княжество Литовское и Русское. Это новое двунациональное государство стало впоследствии (с конца XIII и вплоть до середины XV в.) центром объединения русских земель наряду с Тверью, а потом Москвой. Однако в начале XIII в. литовцы, одержавшие ряд значительных побед над рыцарями, только шли к своей государственной консолидации. В недавнем прошлом они порой платили дань полочанам и новгородцам, а с 1220-х гг. сами начали предпринимать набеги на крестоносцев и на русских. Новгородцы и псковичи, привыкшие считать литву своими данниками, отвечали военными походами, весьма успешными.

Господин Великий Новгород в начале XIII в

Новгород никогда не обладал большими собственными военными ресурсами. Долгое время они ему и не были ему нужны. Новгородская колонизация на северо-восток и северо-запад до конца XII в. не встречала серьезных препятствий. После постройки Юрьева новгородцы без особого участия князей сами осваивали интересующие их просторы: взимали дань, занимались промыслами и торговлей, основывали городки и вотчины. Боярские промысловые вотчины стали главными оптовыми поставщиками главных востребованных экспортных товаров: меда, воска, мехов, ворвани, речного жемчуга, ценной рыбы и т. д. Новгород вел обширную внешнюю торговлю с прочими русскими землями, а также странами Западной Европы и Востока. Отряды ушкуйников во главе с отпрысками боярских и купеческих родов раздвигали новгородские границы, находя все новых данников.

Для защиты владений хватало новгородского ополчения и тех небольших дружин, которые имели приглашенные в Новгород князья. В 1136 г. новгородцы прогнали с новгородского княжения Всеволода Мстиславича, внука Владимира Мономаха. С тех пор и до 1478 г. главой Новгорода стал выбираемый на вече посадник. На эту должность всегда выбирали бояр, они же играли ведущую роль в социально-экономических и политических начинаниях Новгорода. Князь в Новгороде был скорее верховным полководцем и посредником Новгорода с его связях с другими Низовскими, как говорили новгородцы, землями. В низовских княжествах Новгород покупал продовольствие, которого не могли в достатке произвести его бедные северные почвы, а с появлением крестоносцев низовские княжества, откуда новгородцы приглашали себе князей с дружинами, являлись военными союзниками республики.

Памятник воинам Александра Невского на горе Соколиха в Пскове.

Последнее обстоятельство усиливало зависимость Новгорода от Низа и от князей, которых он приглашал оттуда. Для новгородских выборных князей защита новгородских рубежей от натиска с Запада всегда переплеталась с борьбой за интересы того княжества,

откуда происходил князь. В борьбе за влияние на Новгород в начале XIII в. участвовали владими́ро-суздальские, смоленские и южнорусские князья. Все они имели свои партии в новгородском боярстве и населении, что еще более осложняло ситуацию. К началу XIII в. чаще всего на новгородском столе оказывались младшие князья из Владимиро-Суздальского княжества. Даже если новгородцы «указывали им путь из города», Владимиро-Суздальское княжество, захватив Торжок и перекрыв подвоз хлеба в новгородские пределы, имело значительные шансы найти компромисс с новгородцами и вернуть своих князей обратно в Новгород.

Таковы были реалии, сложившиеся на севере русского мира к моменту, когда одним из самых ярких действующих лиц здесь становится молодой посланец Владимиро-Суздальской Руси, сын удельного переяславль-залесского князя Ярослава Всеволодовича – Александр.

Западная политика Александра Ярославича до 1246 г. Невская битва и Ледовое побоище

Александр с детских лет жил в Новгороде. Его отец долгое время был новгородским князем, причем таким, который 4 раза уходил из Новгорода и враждовал с ним, но потом стороны помирились. С именем Ярослава связан ряд громких побед Новгорода над крестоносцами. Вырастая в такой атмосфере, Александр, конечно, прекрасно ориентировался в политической обстановке русского севера, что потенциально делало его удачным претендентом на новгородский стол. Дважды в отрочестве с 1228 по 1233 г. Александр и его старший брат Федор были символическими наместниками отца на новгородском столе. После смерти Федора (1233) Александр остался единственным наместником.

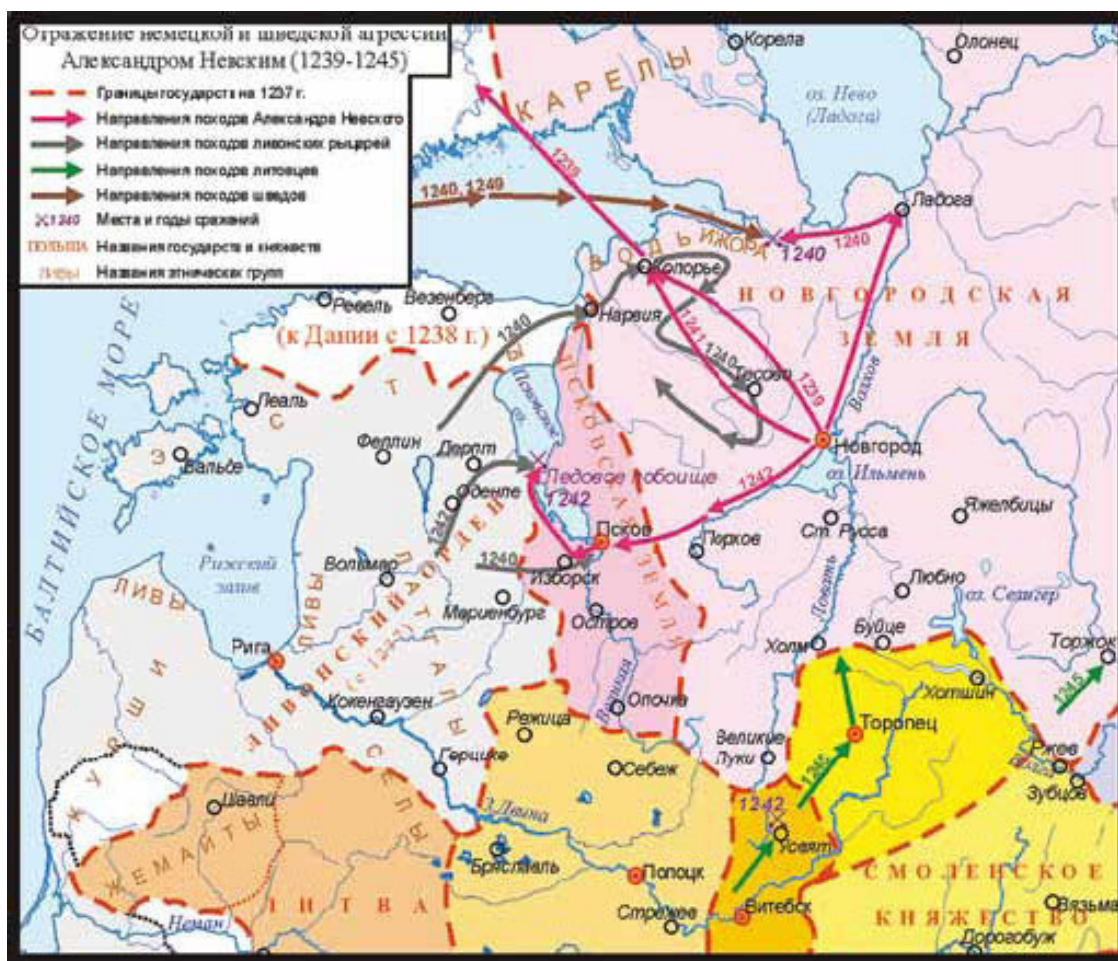
Начало его самостоятельного княжения в Новгороде, видимо, стоит отнести к 1238 г. Тогда Батыево нашествие уже обрушилось на Северо-Восточную Русь, опустошив Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества. Отец Александра, занимавший с 1236 г. киевский трон, был вынужден покинуть Юг Руси и вернуться на родину. Ярославу Всеволодовичу, как и большинству его сыновей, удалось в 1237–1238 гг. избежать военного столкновения с монголами. Без его участия пала столица его удела Переяславль-Залесский, была взята Тверь, где погиб его сын, не названный летописью по имени. Не было князя и в битве на р. Сити, где 4 марта 1238 г. погибли остатки некогда могучих владими́ро-суздальских полков. Смерть на Сити его старшего брата Юрия Всеволодовича сделала Ярослава великим князем Владимиро-Суздальским. В 1243 г. мы застаем Ярослава в ставке Батыя, который дал ему ярлык «старейшего князя» всей Русской земли. Ясно, что Ярослав уже не мог постоянно лично участвовать в новгородских делах.

С 1238 г. и до 1246 г. мы видим на новгородском столе именно Александра. В эти годы степень владими́ро-суздальского влияния на Господин Великий Новгород невелика. Батый взял в 1238 г. новгородский пригород Торжак, но до самого Новгорода не дошел 90 верст. Испугавшись приближения весенней распутицы, которая превратила бы северные болота и леса в непроходимые для конницы топи, степной завоеватель ушел на юг. Военные поражения в 1237–1241 гг. большинства русских земель заставили их правителей думать о том, как правильно сориентироваться в новых реалиях. Новгород был предоставлен сам себе. Новгородские горизонты формировали тогда и линию поведения молодого князя Александра.

Очевидно, новгородскими интересами был обусловлен и брак юного Александра (он родился самое раннее в 1220 г.). Княжеские браки всегда выступали способом заключения политических союзов или компромиссов. В 1239 г. Александр женился на княжне Александре – дочери полоцкого князя Брячислава, а первый свадебный пир («каша») был устроен в Торопце, столице одного из уделов Смоленской земли. Полоцкие князья, утратившие в результате крестоносной экспансии своих данников в бассейне Западной Двины, могли стать союзниками Новгорода в деле отражения наступления ордена. Смоленские князья, включая торопецких, в прошлом часто были конкурентами владими́ро-суздальских в борьбе за новгородский стол. Силы Смоленской земли не были подорваны Батыевым нашествием (завоеватель в 1238 г. прошел лишь по окраинам этого княжества). Установление дружеских отношений со смоленскими князьями гарантировало тыл и давало возможность надеяться на союз со Смоленском в борьбе Новгорода как с рыцарями и Литвой, так и с возможным наступлением монголо-татар на новгородские владения.

Многие историки полагают, что матерью Александра являлась дочь знаменитого торопецкого князя Мстислава Удалого Феодосия. Если это было действительно так, а «каша» в Торопце подтверждает данную гипотезу, то наладить дружественные отношения со Смоленском Александру было проще.

Забегаая вперед, отметим, что создать прочный новгородско-полоцко-смоленский союз не удалось, ибо это не приносило бы пользы Владимиро-Суздальскому княжеству. Союз имел бы не только, а возможно и не столько антирыцарскую окраску, сколько антиордынскую. Полоцкая земля, не тронутая Батыем в момент нашествия, так и осталась Белой, т. е. независимой от Орды. В гораздо меньшей по сравнению с Владимиро-Суздальской и Рязанской землями зависимости была Смоленщина. После объединения Западной Руси и Литвы во времена Гедимина и его сыновей Ольгерда и Кейстута литовско-русская держава вплоть до 1380 г. вела наступательную антиордынскую политику, завершившуюся разгромом татарских войск в 1362 г. у Синих Вод и переходом земель Южной Руси к Великому княжеству Литовскому и Русскому.

Отражение немецкой и шведской агрессии Александром Невским (1239–1245).

Владими́ро-Сузда́льское кня́жество, превратившееся в великое княжение Владимирское, не имело никаких шансов присоединиться к названному союзу и избежать при этом очередной монголо-татарской рати. Новый погром и разорение были обеспечены, а шансов не только возглавить потенциальный антиордынский союз, но даже сыграть в нем значительную роль у Владимира на Клязьме не было. Все это поставило бы крест на давних амбициях великих владими́ро-сузда́льских князей быть одними из главных лидеров русского геополитического пространства. Вынужденный компромисс с Золотой Ордой, заключающийся в признании зависимости Великого княжения Владимирского от Сарая, давал больше шансов на восстановление экономических и военно-политических ресурсов, а следовательно, сохранялся и шанс вернуть себе гегемонию в мире русских альтернатив. Эта перспектива

должна была значить для Ярослава и его сыновей больше, чем интересы Новгорода, Полоцка и Смоленска вместе взятых.

Вернемся, однако, к действиям Александра в Новгороде. Сотворив вторую свадебную «кашу» в Новгороде, он в том же 1239 г. отправился строить военные укрепления по р. Шелони, т. е. в новгородско-торопецком пограничье, подвергавшемся нападению литовских отрядов.

А 15 июля 1240 г. мы застаем князя уже в битве на Неве. Летом 1240 г. шведы вторглись в новгородские границы. К сожалению, Новгородская летопись чрезвычайно скудно осветила русско-шведское столкновение 1240 г., сообщив нам, что князь Александр со своей дружиной и новгородским отрядом бился со шведами на Неве и победил их. Другие подробности историки могут черпать только из жития князя Александра («Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра Невского» – известно 13 редакций произведения), которое было написано после канонизации князя как местного владимирского святого в конце XIII в. То есть много лет спустя после его смерти в 1263 г. Достоверность многих сведений такого источника может вызывать сомнение. Однако, не имея других источников, приведем рассказ жития.

Мы узнаем, что шведы вошли в Неву на 55 кораблях и высадились на берег в месте впадения в Неву реки Ижоры. Предводитель шведов послал к Александру сказать: «Если можешь противиться мне... то вот я уже здесь и пленю землю твою». Житие князя Александра и русские летописи не называют имени предводителя шведов. Есть только один источник, который сообщает, что предводительствовал шведскими рыцарями ярл Биргер.³ Это составленное в Новгороде в конце XIV – начале XV в. публицистическое сочинение «Рукописание Магнуша».⁴ Однако по шведским и другим иностранным источникам известно, что в момент Невской битвы Биргер находился в другом месте и никак не мог принимать участия в сражении с новгородцами во главе с князем Александром. К тому же Биргер в 1240 г. еще не был ярлом.

От старейшины Ижорской земли Пелгуя (Пелгусия) Александр знал о месторасположении шведского лагеря. Знал князь и о чудесном видении Пелгую. Видел старейшина чудную ладью, где гребцы были скрыты туманом, а стоящие в ладье святые князя Борис и Глеб обещали помочь «сроднику своему» Александру. О видении князь Александр запретил старшине говорить кому-либо. Сам же, взяв свою дружину и новгородский отряд, быстро и скрытно прибыл к устью Ижоры.

Утром 15 июля русские неожиданно атаковали противника и обратили его в бегство. В ходе боя князь Александр сразился с предводителем шведов («Биргером») и наложил «печать» на его лицо, т. е. ранил в лицо. За победу над шведами в Невской битве князь Александр и получает прозвище Невский.

Житие Александра Невского рассказывает и о подвигах 6 русских воинов. Дружинник по имени Гаврило Алексич, преследуя шведов, въехал по сходням на корабль. Его вместе с конем сбросили в воду, но он остался цел и «бился с самим воеводой посреди их войска». Новгородец Сбыслав Якунович «бился одним топором, не имея страха в душе своей», и положил много врагов. Ловчий князя Яков-полочанин отвагой своей заслужил похвалу князя. Пеший отряд новгородца Миши потопил 3 неприятельских корабля. Княжеский отрок

³ Биргер из Бельбу из рода Фолькунгов, (1216? – 1266), очень почитаемый в Шведском королевстве государственный деятель. Став ярлом в 1248 г., фактически правил Швецией с 1248 г. при короле Эрике Эриксоне, а с 1250 г. при короле Вальдемаре I, своем сыне. Проводил политику укрепления королевской власти. В 1249 возглавил крестовый поход против финского племени емь и победил его. Считается основателем Стокгольма (1252).

⁴ «Рукописание Магнуша» предостерегает северных соседей Руси – шведов и норвежцев – от войны с Новгородом. «Рукописание...» представляет собой вымышленное завещание Магнуса Эриксона, короля Швеции (1319–1363 гг.) и Норвегии (1319–1355 гг.), поход которого на новгородские земли в 1348 г. кончился полным разгромом шведского войска. (Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. IX–XIV вв. М., 1978, с. 124–127).

Савва пробился к «златоверхому» шатру шведского предводителя и подсек центральный столб. А слуга Александра Ратмир один сражался с обступившими его врагами и умер от множества ран.

Стоит обратить внимание, что в житии хоть и перечисляются подвиги Александра и его воинов, но главный акцент сделан на чудо: об этом говорит и видение Пелгусию и чудесный факт, что основная часть погибших шведов была обнаружена на другой стороне Ижоры, где русских воинов не было. Это обстоятельство средневековый читатель легко истолковывал как «помощь святых Бориса и Глеба».

В житии Александра Невского сражению придан эпохальный характер, ибо дело идет о защите православной веры от «римлян», как называет автор жития шведов. Именно в такой эпохальной трактовке через житие святого благоверного князя Александра Невского и вошла Невская битва в историческую память населения сначала Владимиро-Суздальской, а потом и Московской Руси XIV–XVII вв. Это неудивительно, ведь Александр был великим князем Владимирским в 1252–1263 гг., а его младший сын Даниил стал родоначальником великих князей Московских.

Для духовного лица, автора жития, «римляне» казались опаснее ордынцев. Последнее, хотя и грабили церкви и убивали православных в ходе Батыева нашествия и карательных ратей, но не притесняли православную церковь как общественно-культурный институт. Более того, духовенство было единственной социальной группой русского населения, которая была освобождена ханами от дани. Батый и его преемники позволили основать в пределах самой Золотой Орды русскую православную епархию. На воззрения русского духовенства воздействовали и несчастья греческих братьев по вере, а, как известно, большинство русских митрополитов, назначаемых на киевскую, а потом на владимирскую кафедры, были родом греки, болгары или сербы. Четвертый крестовый поход завершился в 1204 г. захватом Константинополя западными крестоносцами. Византийцы полстолетия отвоевывали назад свою столицу и империю. Это обстоятельство еще более ожесточило православных во всех концах света против «римлян». Монголы же между тем оказались союзниками византийцев по борьбе с турками-сельджуками.

Александр Невский. Художник Н. Рерих.

Но вернемся к событиям 1240-х гг. Судя по Новгородскому летописанию, новгородцы, современники битвы Александра со шведами, оценили его талант военачальника, но не придавали победе того вселенского масштаба, которое дано в житии. Вскоре после невской победы князь Александр повздорил с новгородцами, и ему «указали путь из города». Князь уехал к отцу в Переяславль-Залесский.

Практический вывод, который извлекли из невской победы новгородцы, был, на наш взгляд, таков. Новгород, несмотря на жесткую борьбу с орденом и шведами, оставался самым связанным с Западной Европой уголком Руси. Новгородская торговля с Западом своими промысловыми и восточными транзитными товарами оставалась для Новгорода в 1230–1240-е гг. главным источником его процветания и самобытности. Посредниками в данной торговле выступали готландские, а потом северогерманские купцы, прибывавшие в Новгород Невским коридором, который как раз и находился в Ижорской пятине, где разворачивается Невская битва. Захват шведами невского коридора лишал Новгород самостоятельного выхода в Западную Европу, чем создавал смертельную угрозу северо-русской экономике, а вслед за ней и политической независимости Новгорода. Поход шведов 1240 г. явился первой попыткой кого-либо посягнуть на «новгородское окно в Европу».

Князь Александр Ярославич первым из новгородских князей продемонстрировал, каким должен быть адекватный ответ на подобную агрессию, и тем определил дальнейшую политику новгородцев в данном регионе вплоть до падения Новгорода в 1478 г. Кстати, Александр показал, что сил, которыми располагал Новгород и его приглашенные князья, вполне достаточно, чтобы достойно отражать шведскую агрессию от новгородских границ.

Источники не позволяют нам точно знать, в чем состояла ссора князя-победителя с новгородцами, последовавшая вскоре после того, как Александр и его воинство под звон колоколов и ликование народа вернулись в Новгород. Можно лишь предположить, что князь настаивал на каких-то новых военных предприятиях, а новгородцы полагали войну законченной и оценили настойчивость Александра как вмешательство в их «вольности», в частности, право самим определять внешнюю политику. Александр с семьей и дружиной покинул Новгород.

Между тем в то же лето пришли в активность крестоносцы и началась Новгородско-ливонская война 1240–1242 г. В это время Орден меченосцев уже канул в Лету. 9 февраля 1236 г. Папа Григорий IX призвал меченосцев к крестовому походу на языческую Литву. 22 сентября 1236 г. меченосцы были разгромлены литовцами в Шауляйском сражении. В этой битве пали магистр Волгуин фон Намбург (Фольквин фон Винтерштаттен) и большинство братьев-рыцарей.

Однако в 1237 г. орден был воссоздан под названием Ливонского по приказу Папы Римского – как филиал Тевтонского ордена (но на деле ливонцы были абсолютно самостоятельны). В 1240 г. ливонские рыцари во главе военных отрядов из подчиненных им городов Юрьева и Медвежей Головы направились к Изборску. Союзником крестоносцев выступил русский князь Ярослав Владимирович, изгнанный некогда из Пскова. Псковичи встретили неприятелей у Изборска, но битву проиграли, их воевода Гаврила Бориславич был убит, многие псковичане пали, других взяли в плен, за третьими гнались до самого Пскова, где подожгли посад, а запершихся в Кромехе псковичей осаждали целую неделю. Взять город ливонцы не смогли и ушли. Но вскоре посадник Твердило Иванкович убедил псковитян пустить немцев в город. Часть псковских бояр, недовольных этим решением, бежали с семьями в Новгород. Меченосцы и чудь вместе с людьми Твердило Иванковича принялись воевать новгородские села.

Позиция псковичей отнюдь не так неожиданна, как может показаться неосведомленному в псковско-новгородских противоречиях наблюдателю. Псков в XIII в. еще пригород

Новгорода, но там уже давно существует собственный княжеский стол, на котором чаще всего сидят либо враждебные Владимиро-Суздальскому княжеству князья, либо князья, независимые от него. Псков явно тяготеет к зависимости от «старшего брата» Новгорода и стремится к независимости. Псковичи часто находили общий язык с крестоносцами, выступали их союзниками в совместных походах на языческую чужд и литву. Например, в ходе знаменитого набега меченосцев на Литву в 1236 г., закончившегося громкой победой литовцев и гибелью магистра Волквина, на стороне рыцарей бился и почти весь полег псковский отряд в 200 бойцов. Лишь два десятка псковитян вернулись тогда домой.

О возможности не только войны с схизматиками, но и компромисса с ними помышлял порой и Святой престол. Еще до вторжения монголов Папы Иннокентий III и Григорий IX обращались с буллами к Руси. Правда, как воззвания Иннокентия III к русским мирянам, так и булла Григория IX к великому князю Юрию Всеволодовичу Владимиро-Суздальскому остались без взаимности.

Сделав Псков и Изборск своими базами, ливонские рыцари зимой 1240–1241 гг. вторглись в новгородские владения чужд и водь, опустошили их, обложили жителей данью. В Тесове и Копорье рыцари принялись строить собственные крепости. На севере они дошли до Луги и осмелели до того, что грабили на дорогах в 30 верстах от Новгорода. Одновременно с рыцарями, хотя и совершенно независимо от них, в новгородские волости стали совершать набеги литовцы.

В интересах Новгорода было не допустить союза псковичей с немцами. Стоит ли говорить, что князья Владимиро-Суздальской Руси вполне разделяли позицию новгородцев в этом вопросе. Поэтому, несмотря на ссору своего старшего сына Александра с Новгородом, великий князь Ярослав Всеволодович откликнулся на просьбу новгородцев о помощи. Вместе с дружиной к ним выехал второй великокняжеский сын – Андрей. Однако новгородцы всегда отличались прагматизмом, поэтому они послали к Ярославу новое посольство во главе с архиепископом Спиридоном, умоляя послать к ним на княжение именно Александра. Ярослав послал сына, и в начале 1241 г. князь Александр был уже в Новгороде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.